имена художников, расписавших сооруженную церковь: «...сам блаженныи со ученики во время зимы камение влачаше. И в час дела не точию камение, но и воду, и ина вся на плещу ношаше. И не точию в сих труд бе тем, но и в скудости пища и пития, и в худом покровении телеси во время зимнее. Се же все еже в тех желание пламень побеждаше. К сим же сугубыми труды церкви та совершеное украшение приемлет, еже от живописцев Митрофана инока и Дионисия и их пособников, пресловущих тогда паче всех в таковем деле».[5] Как явствует из этого текста, соборная монастырская церковь Рождества богородицы, строившаяся зимой, была тут же, вероятно осенью, расписана. Таким образом, дата этой работы инока Митрофана и Дионисия с «пособниками» определяется временем освящения церкви, состоявшимся в 1467 г.[6]

Еще В. Т. Георгиевский обратил внимание на то, что Митрофан был, по-видимому, старшим, так как он назван первым. Описанную в житии болезнь Дионисия, приключившуюся в начале работы, В. Т. Георгиевский объясняет несогласием, спорами между известными мастерами. Отказавшиеся служить ноги Дионисия исцелели после «чудесного» вмешательства Пафнутия: по всей вероятности, игумен помирил художников.[7]

Старший из них, Митрофан, до сих пор лишь упоминался. О живописцах русского средневековья мы знаем так мало, что любые документальные известия, тем более современные им, представляют большой интерес. Черты жизни Митрофана позволили бы судить о среде, в которой прошли юные годы Дионисия, о ранней поре его творчества. Между тем в сборнике копий старинных грамот Московского Симонова монастыря — так называемой копийной книге, составленной в 1666 г.,[8] сохранились интересные сведения о Митрофане, иноке-иконнике.

Здесь, на лл. 273—279, излагается тяжба между крестьянами Пехорской волости и братией Симонова монастыря. Тяжба разбиралась между 1462 и 1464 гг. (точнее определить дату не удается). Спор идет о том, кому принадлежит небольшой монастырь с землями у Медвежья озера — «церковь святый Спас, и озера, и деревни, и пустоши» — великому ли князю Ивану III, или братии Симонова монастыря. Крестьяне хотели доказать, что спорный монастырек с его водами и землями — исконные владения великого князя. По-видимому, дань великому князю казалась крестьянам менее обременительной, чем подчинение Симонову монастырю, одному из самых богатых в Москве.

Великому князю Ивану Васильевичу бьет челом сотский Пехорский Юрий Константинович Лычев, да десятский Сысойко, да десятский борт-

---

крупнейшего московского монастыря, или еще позже, став архиепископом ростовским, Вассиан написал житие своего учителя Пафнутия по личным воспоминаниям. См.: В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 204—206.

[5] А. П. Кадлубовский. Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным. — Сборник историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине, т. II. Нежин, 1899 (далее: А. П. Кадлубовский. Житие...), стр. 125.

[6] М. Т. Преображенский. Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. СПб., 1891, стр. 44. Фрески эти не сохранились, так как дошедшее до нашего времени здание церкви перестроено или выстроено вновь в конце XVI в. (там же, стр. 45). Переписанные в XVIII в. фрески были исполнены в 1644 г. (там же, стр. 46).

[7] В. Т. Георгиевский. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, стр. 22. В. Н. Лазарев (Дионисий и его школа, стр. 500) говорит, что мы ничего не знаем о предполагаемом учителе Дионисия Митрофане.

[8] ГИМ, собр. Симонова монастыря, № 58. Об этой книге см.: Н. П. Попов. Собрание рукописей Московского Симонова монастыря (ЧОИДР, 1910, кн. II, стр. 92).